

В.Л. Бурцев

**Борьба за свободную
Россию**

(Мои воспоминания)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

В.Л. Бурцев
В11 Борьба за свободную Россию: (Мои воспоминания) / В.Л. Бурцев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 210 с.

ISBN 978-5-458-04360-1

Владимир Львович Бурцев (1862 - 1942) - активный участник революционного движения: в 80-е годы народоволец, позднее был близок к эсерам и кадетам. Как публицист и издатель, он приобрел известность разоблачением провокаторов царской охранки, действовавших в России и за границей, в частности Е.Ф. Азефа и Р.В. Малиновского. Будучи белоэмигрантом, участвовал в создании антисоветского "Национального комитета".

ISBN 978-5-458-04360-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© В.Л. Бурцев, 2021

Бурцев В Л
Борьба за свободную Россию
(Мои воспоминания)

ВЛ. БУРЦЕВ
БОРЬБА ЗА СВОБОДНУЮ РОССИЮ
МОИ ВОСПОМИНАНИЯ
(1882-1922 г. г.)

Том I

Посвящается

тем, кто придет на смену нам

(5)

ОТ АВТОРА.

"В июле 1888 г. я бежал из Сибири. Нелегально благополучно через всю Россию пробрался за границу. Осенью того же года я был уже в Женеве и стал там издавать "Свободную Россию".

С этих пор и начинается моя ответственная революционная борьба".

Так начинались мои воспоминания, и я совершенно не имел в виду рассказывать того, что было в моей жизни до этой моей первой эмиграции.

Но некоторые обстоятельства в настоящее время заставляют меня включить в мои воспоминания несколько страниц из более раннего периода моей жизни.

До 1888 г., когда я приехал за границу, - мне было тогда лет двадцать пять-шесть, - я успел уж побывать два раза в тюрьме. Во второй раз я просидел около трех лет и затем меня сослали в Восточную Сибирь. Словом к этому времени я проделал весь стаж, обычный для революционера того времени.

Конечно, и за эти годы мною пережито, быть может даже с такой интенсивностью молодости, с какой впоследствии не переживалось ничто другое. Но во всем этом я был более свидетелем, чем ответственным лицом. Это обстоятельство и позволяет мне долго не останавливаться на этом периоде моей жизни.

(6) Но, повторяю, ответственное мое участие в революционной борьбе начинается только, главным образом, со времени моего приезда в Женеву, с основания газеты "Свободная Россия". С этого времени я и считаю себя обязанным дать о своей деятельности отчет в литературе - и моим друзьям, и моим врагам.

Впоследствии мне приходилось принимать ответственную роль во многих других крупных революционных и общественных событиях.

Обращу внимание читателей на некоторые особенности в моих воспоминаниях.

В них я останавливаюсь на рассказах не вообще о событиях, которых мне приходилось быть свидетелем, как бы они ни были интересны и какое бы они ни имели большое общественное значение, а исключительно только о тех из них, в которых я лично принимал ответственное участие. О других же событиях я только упоминаю постольку, поскольку это нужно, чтобы сохранить нить рассказа.

На выборе тем в моих воспоминаниях определенным образом сказался характер моей деятельности.

Моя политическая жизнь прошла не на общественных собраниях, не на улице, не в партийных заседаниях и не в междупартийных переговорах. Лично я почти никогда не входил ни в какие политические организации и очень редко делал какие-нибудь публичные выступления. Я - человек кабинета, литератор и журналист. Моя жизнь была связана главным образом с борьбой за создание

газет и журналов. Ее сущность заключалась в журнальной деятельности. Это было так даже и тогда, когда я был занят борьбой с провокаторами. Поэтому-то в своих воспоминаниях я и вынужден так много уделять места судьбе моих изданий.

В своей многолетней журнальной деятельности я никогда не писал анонимных статей и никогда не выступал под псевдонимами. Во всем том, что я делал, я всегда брал на себя полную ответственность и никогда перелагал ее ни на партии, ни на других лиц.

(7) Дурно все это или хорошо - это другой вопрос. Но так сложилась моя жизнь или вернее сказать, я так ее сам сознательно устраивал.

Это лучше всего может объяснить и выбор тем в моих воспоминаниях и то, что в них я так часто говорю - я, а не мы.

Мои воспоминания вышли такими, а не иными, потому что они для меня являются одновременно - и рассказом о былом, и отчетом о моей деятельности: и общественному мнению, и моим друзьям, и моим врагам, - всем, кто мне верил, и кто со мной боролся.

Я имел в виду написать книгу именно такого рода, а не иную, и скажу почему.

Свои воспоминания я посвящаю тем, кто придет на смену нам, кто будет продолжать нашу борьбу и кто на свою жизнь захочет посмотреть так же, как на борьбу, как на нее всегда смотрел я. С ними мне есть о чем поговорить даже тогда, когда они со мною будут коренным образом несогласны.

Я хочу, чтобы они познакомились с моим опытом.

Мне приходилось - опять-таки: хорошо я это делал или дурно, об этом каждый пусть судит по своему - много раз деятельно вмешиваться в русскую общественную жизнь и мне есть о чем вспомнить из пережитого.

Отмечу здесь, как величайшее счастье в моей политической деятельности, еще одну особенность моих воспоминаний: в них от первых и до последних страниц идет рассказ о защите одного и того же и о борьбе с одним и тем же. Вспоминая всю свою жизнь, я вижу, что мне нечего отказываться от того, что раньше я признавал, и нечего признавать, от чего я раньше отказывался.

За всю мою деятельность я ни разу не сменил вех, и в настоящее время я живу с той же самой верой в Россию и в идеи свободы, права и демократии, с какими тридцать пять лет тому назад я начинал свою ответственную политическую деятельность в "Свободной России".

(8) Все это целиком было мною положено и в основу издававшегося мной в недавние годы "Общего дела".

Я хотел бы, чтобы мои читатели поняли, что мои воспоминания для меня - моя исповедь и в то же самое время больше, чем исповедь: они - моя вера и мои убеждения.

Париж, август 1923 г.

Вл. Бурцев

(9)

Глава I

В Москве. - В Успенском соборе. - Гвоздь, которым был распят Христос. Снова в Успенском соборе через сорок лет.

Свое детство и первую юность, в 1868-1878 гг., - родился я в 1862 г. - я провел

в небольшом городке Бирске, Уфимской губ., в семье моего дяди, довольно зажиточного купца. Его семья была глубоко верующая и очень богомольная. Нечего говорить, что она была в то же время и вполне благонамеренная и беспрекословно повиновалась всему тому, что требовало от нее начальство. Да и вообще в то время в таких глухих местах, как наш далекий захолустный Бирск, ни о чем революционном не было и слышно.

Глубоко религиозное настроение семьи, в которой я жил, целиком отразилось и на мне. В детстве я много молился, прикладывался к иконам, ставил свечи, ходил в церковь, особенно часто посещал местный монастырь, и сам мечтал о монашестве и т. д. Это были, конечно, только легкие детские грезы, отражавшие лишь то, что вокруг меня говорили старшие. Тем не менее это целиком захватило и мой ум и все мои детские мечты и составляло сущность моей тогдашней духовной жизни. Без новых сильных впечатлений со стороны это мое настроение легко могло перейти у меня в привычку, сделаться прочным убеждением или даже перейти в фанатизм, как это случалось с другими близкими для меня в детстве людьми.

Но в этой провинциальной темноте у отзывчивых людей, даже много поживших, иногда происходила ломка (10) во взглядах, и они без особого труда от многого отказывались, когда сталкивались со свежим воздухом или на них воздействовали новые события. Особенно прочных корней их традиций не имели. Того, во что верили, придерживались больше по привычке, а не потому, что исповедуемые взгляды были ими выкованы и проверены в борьбе. Многое у них держалось на ногах только потому, что еще никто не пришел и не толкнул того, что давно сгнило и еле-еле держалось.

Мне было лет 14, когда во время летних каникул из нашего городка несколько человек поехали в Москву на богомолье, ехали все женщины. К ним присоединилась моя тетя. Она с собой захватила и меня, подростка.

Мое тогдашнее религиозное настроение ничем существенно не отличалось от настроения всех ехавших с нами богомолков - спутниц. В Москве мы пробыли дней десять, я ни в чем не отставал от них. С утра до вечера ходили мы по церквам, служили молебны перед чудотворными иконами, прикладывались к мощам, ставили свечи, клали поклоны. Делали это все вместе. Съездили также в Сергиевскую Лавру, - она находится недалеко от Москвы. В каких только церквах мы не перебивали в Москве. Каких только чудотворных икон мы не перевидали, к каким только мощам не прикладывались, чего только мы не наслушались от монахов, когда они говорили о христианстве первых веков, о русской старине, о происходивших вокруг них на их глазах чудесах, о мощах Димитрия! Они показывали нам куски креста, на котором был распят Христос, его хитон, вышитый его матерью и т. д.

Часто мои спутницы еще спали или отдыхали от усталости, а я один старался еще сбежать в какую-нибудь новую церковь, о которой я вычитывал из путеводителей по Москве, или повидать какую-нибудь новую лишнюю икону, какую я боялся пропустить. Возвращаясь поздно вечером к себе в номер, я горячо молился и был (11) счастлив, что за день приходилось видеть так много святых, о которых я раньше только мечтал.

Во время этих моих пилигримств была одна минута, которая особенно и тогда мне врезалась в память, а впоследствии сыграла в моей жизни огромную роль.

Мы как-то зашли в Успенский собор. Прикладывались к иконе Божьей Матери, нарисованной Апостолом Лукой на том самом столе, на котором обедал Христос со своей матерью, к мощам царевича Дмитрия, к другим мощам т. д. За все это платили по 5, по 10 копеек. Много я тогда перевидал в этом соборе и, действительно, подлинной драгоценнейшей русской старины, которая, как живой свидетель, говорит о русской истории XV, XVI и XVII веков, об Иване Грозном, Михайле Федоровиче, Алексее Михайловиче и др. Много было связано с событиями и новейшей русской истории и с именами русских царей последних двух столетий - и Петра I, и Александра I, и Александра II, который тогда царствовал. Но все это, впрочем, только скользило по мне и не это приковывало к себе мое внимание.

Но вот в одном из церковных приделов нам дали приложиться к . . . гвоздю, которым был распят Христос! Я и теперь, спустя сорок лет, как сейчас вижу этот железный, более четверти, гвоздь и на нем запекшуюся кровь Христа... Нам дали приложиться к нему.

Надо ли говорить, какое подавляющее впечатление произвело на меня то, что я, русский юноша, приехавший из какого-то городка Бирска, - теперь, чуть ли не через 2000 лет, прикладываюсь к тому самому гвоздю, которым был распят на кресте Христос? Я видел Его кровь! Я чувствовал, что меня охватило сознание такого счастья, которому не было границ ... Я почувствовал в себе прилив какой-то безграничной гордости. . . Я был потрясен и вышел из Успенского собора совсем иным от счастья человеком ... Но я хорошо помню, что тогда же где-то, в самых сокровенных глубинах моей души, что-то как будто треснуло... Это я почувствовал только смутно на одну минуту, но отдать себе (12) отчет, что именно я почувствовал, я тогда не мог. Я чувствовал только, что что-то очень больно резнуло меня, но это тотчас же испарилось из моего сознания и не оставило по себе в моем уме ничего сколько-нибудь ясного и совсем ничего сформулированного.

Впоследствии и дома у себя в Бирске, и в гимназическом пансионе в Уфе я целые месяцы жил воспоминаниями о нашем пилигримстве в Москву. Но к чему я больше всего любил возвращаться в своих рассказах о моем первом путешествии и о чем более всего любил мечтать, когда оставался один, так это было именно о гвозде, которым был распят Христос, - виденном мною в Москве.

Однажды, когда эти воспоминания особенно сильно овладели мной и я находился в каком-то особенном мечтательном, религиозном состоянии и с бесконечным счастьем и гордостью, по детски, снова переживал эти воспоминания, я смутно почувствовал, что я будто с кем-то из-за чего-то борюсь . . . Мной овладела мучительная тревога ... Я почувствовал, что у меня неожиданно на лбу выступает холодный пот и что я нахожусь где-то в пропасти - раздавленный, обманутый ...

Незадолго перед тем я в качестве больного провел несколько дней в гимназической больнице. Я был там один и мог сколько угодно читать и мечтать, - никто мне не мешал. Целыми ночами, с зажженной свечей, просиживал я над книгами.

Меня тогда особенно увлекали блестящие статьи Писарева - о романе Тургенева "Отцы и дети" и книжка Дрепера по истории католицизма в Европе. Писарев дал горячо написанный апофеоз Базарова и с восторгом говорил об его умении

критически относиться ко всему и об его отрицании всякого рода предрассудков, которыми так богата была тогдашняя русская жизнь.

В книжке Дрепера я прочитал увлекательные страницы о католицизме и об его эксплуатации народных суеверий. Одни страницы этой книжки, где Дрепер говорил о католицизме, меня приводили в восторг, другие во мне, (13) Страстно веровавшем, возбуждали бурный, хотя и бессильный протест против его неверия. Но этот протест, казалось, уже в тот самый момент, когда возникал, был осужден во мне самом.

Когда я читал Писарева и Дрепера, они не только не победили во мне мои мечты о гвозде Христа, но, мне казалось, он-то и заставляет меня чувствовать, что оба они - и Писарев и Дрепер - глубоко, печально, ужасно для них самих ошибаются. Обоих их я полюбил, и привязался к ним за то, что я у них прочитал. Но мне было больно за них, за их безверие.

Вскоре после того, как я вышел из больницы, я с особым благоговением говел на седьмой неделе поста, исповедывался, причащался, а потом переживал все те радости, которые переживают верующие в дни Пасхи. Свободный от занятий, я гулял в окрестностях города, жил беззаботной, счастливой юношеской жизнью, мечтал, грезил на яву, рисовал себе самые яркие картины будущей своей жизни, вспоминал то, что для меня было особенно дорого в жизни. Конечно, не раз вспоминал и о том счастье, которого я удостоился в Успенском соборе и что составляло с тех пор мою гордость, чего о себе не мог сказать ни один из моих молодых друзей.

И вот, теперь, неожиданно для себя, когда я только что с таким благоговением вспоминал во всех деталях о своем пилигримстве в Москву, я почувствовал в себе какой-то глубокий перелом. В тот момент я даже для себя самого не мог бы сформулировать всего того, что хлопотало в моей молодой душе. Но я сознавал, что уже более не могу отмахнуться от той мысли, которая, несомненно, давно, время от времени настойчиво преследовала меня, и от которой я так часто просто напросто убегал. . . До сих пор ни на одну минуту не могли на ней остановить меня ни Писарев, ни Дрепер. . . Я почувствовал, что в Успенском соборе в Москве меня обманули, надо мной насмеялись и то, что мне выдавали за гвоздь Христа, был просто (14) напросто самый обыкновенный гвоздь, каких можно сколько угодно найти всюду, что кровь на этом гвозде - если только это была кровь - была чья угодно, но только не кровь Христа, что "они" знают, что они мне лгали, лгали, следовательно, сознательно, что это им надо было для корысти или для чего-то еще более худшего. . .

Мое горе не было для меня моим личным горем. . . Обман меня --был обман не только лично меня. . . Я понял, что и Писарев, и Дрепер правы, и неправ был я, когда отбивался от них. То, что передо тем я читал Писарева и Дрепера, все это теперь мне представилось в ином свете. Оба они стали для меня еще ближе, еще понятнее и дороже.

Прошло два-три дня, когда буря, поднявшаяся во мне, постепенно улеглась в определенную форму. С тех пор у меня появилось что-то новое, и в это новое я поверил так же, как раньше верил в гвоздь Христа.

С этим новым я и начал свою новую жизнь.

Летом того же года, приехавши из гимназии на каникулы в Бирск, я снова встретил там своих богомольных старушек. Они заметили во мне перемену. Им

было очень больно, что я уже не молился. Они упрашивали меня молиться. Чтобы успокоить их, я вначале снова принимался молиться. Крестился, клал поклоны, повторял затверженные молитвы, но душа моя далеко была от всего этого. Скоро, не веря, я не мог больше молиться - даже для успокоения своих родных, которых я любил, и которые меня любили безконечно. Для них это было тяжело, но они более не настаивали на своем. Не знаю, что происходило в тайниках их души, когда они иногда слышали отдельные, случайно вырывавшиеся у меня слова протеста... Они, конечно, понимали, что это были стоны оскорбленного человека и во мне говорил голос взбунтовавшегося сердца. Они приходили в ужас от моих слов. Отбивались от них, как могли. Возмущались от одной мысли, что в Успенском соборе находился не тот гвоздь, которым был распят Христос. Для них мои слова были бредом.

(15) Были ли, однако, и эти богомольные старушки в самой глубине души также непоколебимо уверены, что мои слова бред и дьявольское наваждение, как об этом повторяли не раз? Мне казалось, что и у них самих что-то дрогнуло в душе. Иначе они не возмущались бы так громко моей ересью и так охотно не прекращали бы наши споры, раз они были начаты, и так старательно не избегали бы в другие разы разговоры о гвозде Христа. Как бы с общего молчаливого согласия мы стали говорить очень редко на эту тему, - а вскоре - совсем прекратили.

В то же самое время и до наших глухих палестин стали доходить смутные слухи об арестах социалистов где-то в разных местах России, а, следовательно, и об их существовании. Произошли аресты даже и в нашей Уфимской губернии. Затем прогремели выстрелы террористов, между прочим, выстрел Засулич. Газетные отчеты о процессах террористов читались всеми всасос. Эти слухи и эти выстрелы и, по большей части, крайне ругательные статьи против социалистов в подцензурной прессе поселили в моей молодой душе тревогу и поставили передо мной новые общественные задачи. Все это заставило подвергнуть пересмотру полученную мной из нашей семьи веру в царя и в его правительство. Вера в царя и во все, что с ним было связано, пока была у меня столь же непоколебима, как вначале была и вера в гвоздь Христа, - и я вторил о революционерах тому, что говорилось в нашей семье.

Но вот прошел год, два. После того крушения, которое испытал у меня московский гвоздь, такое же крушение потерпели у меня и царь с его правительством. Это еще более смутило не только моих родных, но и большинство наших знакомых и весь небольшой муравейник нашего небольшого провинциального городка. У меня, тогдашнего юноши, чуткого мальчика, еще не успевшего кончить курс гимназии, получилась репутация "неверующего", "социалиста", "революционера". На меня начали смотреть с изумлением, любопытством, (16) с завистью и, если хотите, с тайным одобрением, как на смельчака и новатора, но в то же самое время и с опаской.

Родные еще сильнее, чем прежде полюбили меня, хотя ясно сознавали, что им уже не засыпать образовавшуюся между нами пропасть, что мы навсегда люди чуждые и в религии, и в политике. Душа у них болела за меня и они чувствовали, что впереди у меня неизбежны и тюрьма, и ссылка. Боялись они и чего-то другого, еще более худшего, как боялись тогда повсюду в России во многих семьях за своих сыновей и дочерей... "Хотя бы скорее арестовали мою

Верочку", - говорила одна замечательная мать про свою дочь: она боялась, что ее дочь, арестованная позднее по какому-нибудь более серьезному делу, поплатилась бы не только тюрьмой. Что-то такое я уловил и в голосе моих родных, хотя ни о какой революции в наших краях не было еще и помину. Были только смутные признаки, что кое-где начинался протеста против того, что считалось неизбежно установленным.

Та трагедия, которая разыгралась в нашем далеком Бирске в нашей семье вокруг меня, происходила тогда повсюду во всей России...

Старая Россия умирала. Нарождалась новая Россия. . .

Проходили годы и годы. Чего только не пришлось мне видеть на своем веку, чего только не пришлось пережить, но мои тяжелые воспоминания о пережитом мною в связи с гвоздем Христа не сглаживались у меня, и я никогда не был в состоянии отделаться от них. К ним я постоянно возвращался всю мою последующую жизнь. Временами мне казалось, что никто никогда в моей жизни так ужасно не насмеялся надо мной, как насмеялись тогда, когда четырнадцатилетним мальчиком я с таким наивным доверием пришел к "ним" в Успенский собор.

В 1915 г. я был возвращен из ссылки в далекой Сибири. Мне было разрешено пробыть несколько дней в Москве. Я решил выполнить то, о чем я мечтал целые десятилетия. Я решился идти снова в Успенский собор и попросить снова показать мне гвоздь Христа.

(17) Я вошел в Успенский собор на этот раз больше, чем сорок лет после своего первого, памятного для меня посещения этого собора. Воспоминания об этом первом посещении Успенского собора так хорошо запечатлелось в моем уме, что я сразу безошибочно подошел к тому приделу, где сохраняется гвоздь Христа. Но оказалось, что в этот день видеть гвоздь было нельзя. Его увезли по какому-то особенно торжественному поводу в другое место, где наверное толпа таких же верующих, каким был когда-то и я, жаждала увидеть этот гвоздь и к нему приложиться. За тем же самым я пришел в Успенский собор и на другой день и увидел, что около дверей в том приделе, где хранится гвоздь, уже стоял большой хвост богомольцев, по большей части стариков и старушек . . . Они молились с глубокой верой . . . Они с благоговением ждали своей очереди . . . Я встал тоже в этом хвосте . . . Когда дошла очередь до меня, я заплатил свои 20 копеек и предо мной открылась заветная дверь. Здесь - на том же самом месте, в том же ларце я увидел тот же самый гвоздь, который у меня гвоздем сидел в голове все 40 лет. . . Я смотрел на этот гвоздь уже совсем не с тем чувством, с каким смотрел на него давно в первый раз, много лет тому назад, и не ту думал думу, которую думал тогда.

Монах повторял свои заученные объяснения о гвозде, который я слышал давно от его предшественника. Была та же обстановка, что и раньше. Мне предложили помолиться, перекреститься, приложиться к этому гвоздю. Я, конечно, не помолился, не перекрестился и не приложился к нему. Но что бы не нарушать благоговейного настроения других, я незаметно стушевался за чьими-то спинами и незаметно отошел в сторону.

На этот раз из Успенского собора я вышел с совершенно иными чувствами, чем я выходил из него сорок лет тому назад.

Тогда я вышел радостным, без меры счастливым... Теперь я ушел, как будто

освободившись от одного из (18) самых тяжелых кошмарных воспоминаний моей жизни, которое угнетало меня многие годы . . .

Я вышел с верой в то, что будущим поколениям не придется переживать душевной трагедии, которую пришлось когда-то пережить мне юношей в связи с тем, что я тогда видел в этом самом Успенском соборе.

(19)

Глава II

Студенческие волнения в Петербурге в 1882 г.- Мой первый арест.- Речь Михайловского на студенческом вечере. - Демонстрация при похоронах Тургенева. - "Общество борьбы с террором". - Воззвание Судейкина к молодежи с призывом к взаимному шпионажу. - Щедрин о "Клубе взволнованных лоботрясов" и о Судейкине.

Мои воспоминания о первых встречах с революционерами и мое первое знакомство с революционным движением относятся к памятным 1880-82 гг. русского освободительного движения.

В литературе нас всех тогда согревали "Отечественные Записки" с за душу хватающей музой Некрасова о народе, - Некрасов тогда умер, но его стихи продолжали нас воодушевлять, - с бодрящей и в то же время бичующей сатирой Щедрина-Салтыкова, с глубокой, блестящей публицистикой Михайловского, который больше, чем кто либо другой, являлся властителем и выразителем наших дум, с убежденным теплым народничеством Глеба Успенского и других. Эти нами любимые писатели говорили нам о нашем долге перед народом и мы постоянно слышали их призыв к служению ему.

: Революционная борьба в России в это время стала затихать в сравнении с предыдущими годами, когда гремел знаменитый Исполнительный Комитет партии Народной Воли... Но воздух все же был полон рассказами о потрясающих событиях этих годов. Мы, молодежь, хватали эти рассказы налету и заслушивались ими.

(20) 1-го марта 1881 г. народовольцы убили бомбой на улице Петербурга императора Александра II и ими был совершен ряд других террористических убийств. Они оказывали вооруженные сопротивления при арестах, устраивали тайные типографии и т. д. Газеты давали необыкновенно сенсационные отчеты о процессах террористов, и этими отчетами мы все зачитывались; Имена Желябова, Перовской, Кибальчича нам, молодежи, говорили очень многое. Отдельно изданный отчет о процессе цареубийц 1881 г. был нашей особенно читаемой книгой. В ней и в газетных отчетах о других процессах террористов мы находили то, о чем в России было запрещено говорить. Трудно себе было представить более яркий протест против тогдашней реакции, как то, что мы вычитывали в этих судебных отчетах. В своих речах подсудимые говорили нам определенно о свободе и социализме, клеймили цензуру, административный произвол и призывали к революционной борьбе с правительством всеми средствами вплоть до цареубийства.

Весной 1882 г. я кончил курс в Казани в 1-й императорской гимназии Осенью поступил в Петербургский университет, а уже в конце того же года впервые попал в тюрьму за участие в студенческой сходке во время т. н. "поляковских беспорядков".

Известный в то время миллионер С. Поляков, у которого в обществе была